

Вестник Ивановского государственного университета.

Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 122—135.

Ivanovo State University Bulletin. Series: Humanities. 2026. Iss. 3. P. 122—135.

Научная статья

УДК 343.21:340.13:94(47)“1920”

EDN <https://elibrary.ru/sqxlrsv>

DOI 10.46726/И.2026.3.14

ЭВОЛЮЦИЯ ОТЕЧЕСТВЕННОГО УГОЛОВНОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА В 20-Х ГОДАХ XX ВЕКА (К 100-ЛЕТИЮ ПРИНЯТИЯ УГОЛОВНОГО КОДЕКСА РСФСР 1926 г.)

Ирина Борисовна Степанова, Ольга Владимировна Соколова

Ивановский государственный университет, г. Иваново,

Россия, kiddy2006@yandex.ru, sokolovaov@ivanovo.ac.ru

Аннотация. К 100-летию юбилею Уголовного кодекса РСФСР 1926 года авторы настоящей статьи осуществили историко-правовой анализ второго в истории нашей страны кодифицированного уголовного закона. На основании изучения нормативных документов, материалов публикаций и стенограмм 1920-х годов, а также современной литературы обозначены политические, социально-экономические, идеологические и правовые причины и предпосылки принятия данного кодекса. В статье дана краткая характеристика концептуальных положений, повлиявших на содержание УК РСФСР 1926 года; описан процесс его разработки и принятия.

Авторы приходят к выводу, что оценка данного исторического документа весьма противоречива. С одной стороны, он имел очевидные отрицательные черты: был чрезмерно идеологизирован, направлен на осуществление классово-дифференцированной уголовной политики; допускал применение закона по аналогии; отрицал традиционные понятия вины, наказания; основанием ответственности считал не только совершение преступления, но и опасное состояние личности. Все это создало легальную основу для политических репрессий 1930-х годов. С другой стороны, констатируются безусловные достоинства уголовного кодекса: модернизация законодательной техники, прогрессивный характер норм о малозначительности деяния, необходимой обороне, смягчающих и отягчающих обстоятельствах, защите прав женщин и др. Отмечается большое значение УК РСФСР 1926 года для становления и развития советского уголовного законодательства.

Ключевые слова: Уголовный кодекс 1926 года, меры социальной защиты, опасное состояние личности, социологическая школа, уголовная ответственность

Для цитирования: Степанова И.Б., Соколова О.В. Эволюция отечественного уголовного законодательства в 20-х годах XX века (к 100-летию принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 г.) // Вестник Ивановского государственного университета. Серия: Гуманитарные науки. 2026. Вып. 3. С. 122—135.

В 2026 году исполняется 100 лет со дня принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года. Этот нормативный акт стал вторым кодифицированным уголовным законом в истории нашей страны. Работа над его разработкой началась через весьма короткое время (всего спустя три года) после принятия первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 года, в связи с чем закономерно возникает вопрос о причинах и предпосылках, вызвавших необходимость столь скорого реформирования уголовного закона. Какие экономические, политические и законотворческие события повлияли на принятие такого решения и содержание нормативного акта?

На уголовно-правовую политику государства, в первую очередь, оказывают влияние политические и социально-экономические условия, сложившиеся в стране, которые определяют приоритетные задачи уголовно-правового регулирования, особенности криминализации деяний, систему средств уголовно-правового воздействия.

Вопрос о реконструкции кодекса в середине 20-х годов XX века встал, прежде всего, в связи с изменением политической и экономической ситуации в государстве. Завершилась гражданская война, политика военного коммунизма, схлынула волна террора, были подавлены стихийные народные восстания. Задачи, которые стояли перед Уголовным кодексом РСФСР 1922 года, а именно подавление свергнутых классов и оборона страны от внешних противников, были решены. Актуальными для государства стали другие цели, связанные с укреплением политического строя, обеспечением крупномасштабных экономических проектов. Поэтому необходима была и трансформация уголовной политики страны.

С введением в 1921 году новой экономической политики начались преобразования в индустриальной сфере: финансовая реформа, которая восстановила в стране нормальное денежное обращение, началось кооперативное движение. Новая экономическая политика позволила к 1926 году достигнуть довоенного уровня выпуска промышленной продукции, преодолеть разруху, улучшить условия жизни, повысить уровень благосостояния населения страны, которое «перестало находиться в состоянии перманентного стресса» [Калашникова: 61]. Была отменена всеобщая трудовая повинность и введен свободный наем рабочей силы.

На фоне улучшения экономического положения и относительной стабилизации социально-политических процессов криминогенная обстановка в стране меняется в лучшую сторону. Период с 1920 г. по 1923 г. характеризуется «сравнительной стабильностью общей кривой преступности» [Герцензон: 17—18]. Изменилась и качественная характеристика преступности: сокращается число преступлений государственных, хозяйственных и имущественных, растут должностные преступления и мелкие деликты. «Динамика и структура преступности свидетельствовали об общем снижении опасности криминогенной ситуации» [Калашникова: 62].

Жесткая карательная политика, которая была заложена в УК РСФСР 1922 г., уже была неприемлема — она привела к переполнению мест лишения свободы. В подтверждение данного тезиса И.В. Упоров приводит следующие цифры: «на ноябрь 1919 года в РСФСР в лагерях содержалось 16 тысяч заключенных; ... а к октябрю 1924 года в местах заключения находилось 78 тысяч человек» [Упоров: 354, 390]. На такое количество заключенных, отмечает автор, имеющихся мест в исправительных учреждениях не хватало [Там же: 390].

Широкое применение лишения свободы дорого обходилось государству, причиняло серьёзный ущерб хозяйственной жизни страны, так как вырывало из нее работоспособных людей. Постепенно в политических кругах приходило понимание необходимости применения принципа экономии уголовной репрессии.

Е.Г. Ширвиндт (начальник Главного управления мест заключения Центрального исправительно-трудового отдела Наркомюста РСФСР, Главного управления конвойной стражи НКВД РСФСР) отмечал, что для решения проблемы чрезмерного переполнения мест заключения было задействовано условно-досрочное освобождение, введенное УК РСФСР 1922 г. и дававшее право специальным комиссиям освобождать вставших на путь исправления осужденных по отбытии ими определенного минимального срока. Вместо поощрительной меры условно-досрочное освобождение превратилось в механически применяемое общее правило. Еще

одной мерой борьбы с проблемой переполнения мест заключения Е.Г. Ширвиндт называл амнистию и относился к такому ее применению критически. В действительном смысле слова амнистия, с точки зрения государственного деятеля, должна быть политическим актом, связанным с «определенными моментами продвижения государства по пути социалистического строительства» [Ширвиндт 1926].

Заместитель народного комиссара юстиции РСФСР, заместитель прокурора РСФСР Н.В. Крыленко указывал, что назначаемые на практике длительные сроки оказывались фиктивными, а процессы, происходящие в пенитенциарной системе, представляли собой «систематическую загрузку и систематическую же разгрузку тюрем постановлениями административных органов» [Крыленко 1925b]. Места лишения свободы, отмечал председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров, были переполнены, несмотря на проводимые амнистии и условно-досрочное освобождение осужденных [Винокуров].

Положение в пенитенциарных учреждениях к середине 1920-х гг. сложилось настолько сложное, что государство не могло на это не реагировать. Нужна была законодательная либерализация уголовно-правового воздействия на преступность, что и было осуществлено в УК РСФСР 1926 г.

Принятие УК РСФСР 1926 года, отмечал Е.Г. Ширвиндт, должно было нанести серьезный удар «перепроизводству наказаний», «фетишизму решеток» [Ширвиндт 1926], смягчить карательную политику.

Объективной предпосылкой разработки нового Уголовного кодекса стало создание в 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик [Договор об образовании Союза...] и последовавшее за этим принятие в 1924 г. Основного Закона (Конституции) СССР, в котором была заложена идея о «необходимости обеспечения единства уголовно-правовой борьбы с важнейшими категориями преступлений, а также установление в законодательном порядке общих принципов и положений советского уголовного права, единых для всего Советского Союза» [Уголовное право...: 129].

Конституция СССР предусматривала принятие основ уголовного законодательства Союза, что было отнесено к предмету ведения верховных органов СССР (п. «п» ст. 1) [Об утверждении Основного Закона...]. 31 октября 1924 года Постановлением Президиума ЦИК СССР были утверждены Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (далее — Основные начала) [Основные начала уголовного законодательства...]. Это был первый общесоюзный нормативный акт, регулировавший уголовно-правовые отношения. С этого момента советское уголовное законодательство состояло из общесоюзного и республиканского.

Основные начала регламентировали вопросы исключительно Общей части уголовного права, т. е. определяли базовые понятия, институты, основания уголовной ответственности и другие значимые положения. Этот документ не содержал перечня видов преступлений и мер уголовно-правового воздействия, применяемых за их совершение. Эти вопросы относились к компетенции республиканского законодательства, за исключением государственных и воинских преступлений, которые считались наиболее общественно опасными (ст. 3 Основных начал). Отдельные положения УК РСФСР 1922 года не соответствовали содержанию Основных начал. Поэтому необходим был пересмотр Уголовного кодекса, согласование его норм с общесоюзным законодательством [Ширвиндт 1925].

Кроме того, видные государственные деятели и известные ученые того времени обвиняли УК РСФСР 1922 года в том, что его содержание было идеологически невыдержанным, он был наполнен буржуазными понятиями, чуждыми

советскому уголовному праву (наказание, вина, кара) [Крыленко 1925b]. Кодекс был эклектичным, некоторые его положения базировались на противоположных идеях социологической и классической школ уголовного права. Объяснялось это тем, что УК 1922 года принимался в короткие сроки, и это был первый опыт создания кодифицированного нормативного акта в области уголовного права. Шла напряженная работа по «ревизии» дореволюционных уголовно-правовых теорий, по обобщению и упорядочению нормативной базы, созданной в спешке после революции. Необходимость переработки УК РСФСР 1922 г. диктовалась и тем обстоятельством, что «кодекс был написан языком в высшей степени тяжелым и мало понятным широким трудовым массам» [Крыленко 1925b].

Все вышеназванные факторы повлияли на принятие решения о переработке Уголовного кодекса РСФСР 1922 года. Сначала планировалось принять новую редакцию действовавшего уголовного закона, но масштаб внесенных изменений был настолько велик, что фактически получился новый кодекс, по ряду положений существенно отличавшийся от предыдущего.

Проект нового Уголовного кодекса был разработан коллегией Народного комиссариата юстиции РСФСР под руководством Д.И. Курского к декабрю 1924 года, в первой половине 1925 года дорабатывался и к июлю был окончательно одобрен и опубликован. В целом работа над ним продолжалась более полутора лет. В октябре 1925 года Совет народных комиссаров РСФСР внес данный проект на рассмотрение второй сессии ВЦИК РСФСР XII созыва [Крыленко 1925а: 1239].

После обстоятельного обсуждения проект был утвержден, но некоторые его положения противоречили Основным началам 1924 года, поэтому Президиуму ВЦИК РСФСР было поручено войти в ЦИК СССР с предложением об изменении ряда статей Основных начал. Введение в действие УК РСФСР было отложено. И только спустя год постановлением ВЦИК РСФСР от 22 ноября 1926 г. новый Уголовный кодекс был введен в действие с 1 января 1927 года [О введении в действие Уголовного Кодекса...].

Вновь принятый кодекс так же, как и УК РСФСР 1922 года, сохранил пандектную систему построения, то есть состоял из Общей и Особенной частей, несмотря на то, что перед его принятием некоторые государственные деятели и ученые предлагали отказаться от Общей части, в связи с принятием Основных начал уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик 1924 г. [Прения по докладу тов. Крыленко...].

Большое влияние на отечественное уголовное законодательство начала XX века, в том числе на Уголовный кодекс РСФСР 1926 года, оказала социологическая школа, появившаяся в зарубежной уголовно-правовой науке в 70-е годы XIX века, сместившая акценты с преступления на преступника и воспринимавшаяся в тот период времени как прогрессивное направление. Итальянский ученый Энрико Ферри создал теорию социальной защиты, согласно которой главным очагом опасности для общества, причиной преступного поведения является опасное состояние личности. Устранить это состояние с помощью уголовного наказания, являющегося по сути карой, воздаянием за совершенное преступление, невозможно. Поэтому усилия общества в противодействии преступности должны быть сконцентрированы на мерах социальной защиты от опасных элементов. Орудиями такой защиты ученый избирает традиционные, давно известные уголовному праву средства (лишение свободы, ссылку и т. п.), однако цель их применения кардинально меняется: не устрашение и исправление, а изоляция совершивших преступление лиц, лишение их возможности совершить новые преступления и причинить вред обществу [Иншаков: 64].

В отечественной уголовно-правовой доктрине теория социальной защиты взяла верх в 20-х годах XX века. Поэтому в Уголовный кодекс РСФСР 1922 года для обозначения мер уголовно-правового воздействия наряду с наказанием было введено понятие «меры социальной защиты». А из Уголовного кодекса РСФСР 1926 года уже полностью был исключен термин «наказание», который прочно ассоциировался с возмездием, признававшимся буржуазным атавизмом, чуждым социалистическим взглядам. Эта замена терминов считалась большим прогрессом и интерпретировалась как окончательный переход от карательного правосудия к социальной защите.

Н.В. Крыленко основную руководящую идею Уголовного кодекса РСФСР 1926 года определял следующим образом: «... наш суд есть орудие самозащиты пролетарского государства от классовых врагов, с одной стороны, и неустойчивых элементов из своей среды — с другой.... Эта идея вложена в самый термин “меры социальной защиты”, которым мы заменили термин “наказания”» [Крыленко 1928b: 661].

Категорически отрицались возмездие, кара, устрашение. Н.В. Крыленко писал, что даже расстрелом преследуется задача самозащиты путем уничтожения врага. «Практика столетий показала, в том числе практика всех революций, и практика инквизиций, что действительный классовый враг не боится репрессий, он только уходит в подполье, а это только усложняет борьбу с ним... Устрашение в известной мере нужно для обывателя, но не нужно переоценивать его значение... Для воздействия на шатающиеся, колеблющиеся элементы из среды трудящихся можно и должно найти иные пути общественно-политического воздействия» [Там же: 662]. Государственный деятель считал, что «в основу уголовной политики должна быть положена задача достижения двух целей: 1) обезопасения общества от его врагов и деклассированных преступных элементов из своей среды и 2) исправление поддающихся таковому и общественного воздействия на остальных путем принятия воспитательно-политических мер» [Там же].

УК 1926 г. предусматривал три вида мер социальной защиты: судебно-исправительного, медицинского и медико-педагогического характера. Меры медицинского характера применялись в отношении лиц, совершивших преступления в состоянии душевной болезни или заболевших психическим расстройством к моменту вынесения приговора, меры медико-педагогического характера — в отношении несовершеннолетних. К иным лицам, совершившим преступные деяния или представлявшим опасность для общества, следовало применять меры социальной защиты судебно-исправительного характера.

В статье 20 УК 1926 г. была выстроена иерархическая система из четырнадцати мер судебно-исправительного характера, начиная с «объявления врагом трудящихся с лишением гражданства СССР и обязательным изгнанием из его пределов» (самая строгая мера) и заканчивая «возложением обязанности загладить причиненный вред» (самая мягкая мера). Большинство из этих мер имели карательный элемент и содержательно воспроизводили наказания (лишение свободы, принудительные работы, конфискация имущества, денежный штраф и др.). Расстрел не был включен в систему этих мер и именовался в статье 21 УК как «исключительная мера охраны государства трудящихся».

Следует заметить, что сами разработчики Уголовного кодекса 1926 г., отвечая на упреки в приверженности идеям итальянской школы Энрико Ферри, отмечали, что «дело обстоит не так. Разница нашей постановки от постановки Ферри в том, что под нашу практическую систему мы подводим все-таки совершенно иную теоретическую марксистскую базу. Никогда Ферри и итальянская школа

не разделяли идеи классовой борьбы; никогда они не рассматривали репрессии и системы уголовной политики как средство политического воздействия одного господствующего класса на другой... Отсюда различие и в практических методах ее построения у нас и у Ферри... Мы допускаем расстрел; ... отнюдь не возлагаем больших надежд на результаты исправительного воздействия в отношении классовых врагов...» [Крыленко 1928b: 663]. Между строк приведенного высказывания, на наш взгляд, явно читается мысль о том, что разработчиками Уголовного кодекса 1926 г. была осуществлена компиляция идей марксистско-ленинской теории с некоторыми положениями социологической школы уголовного права, в частности концепции социальной защиты.

История свидетельствует, что законодательный эксперимент по созданию новой правовой конструкции в виде мер социальной защиты не увенчался успехом. Это понятие не прижилось в отечественном уголовном законодательстве, не выдержало проверку временем. Несмотря на кардинальное решение об удалении из УК РСФСР 1926 года понятия «наказание», этот термин продолжал применяться в отдельных нормативных актах Союза ССР и союзных республик в 30-е годы [О дополнении Положения...; О судостроительстве СССР...]. А в конце 50-х — начале 60-х годов в советское уголовное законодательство был окончательно возвращён институт наказания. Как справедливо заметил С.В. Розенко, «попытка “отрицания” наказания продемонстрировала его обязательность и незаменимость» [Розенко: 226].

По мнению Ю.В. Грачёвой и А.И. Чучаева, главная причина замены наказания мерами социальной защиты состояла в том, что «на практике в силу различных обстоятельств появилась необходимость применять принудительные меры к лицам, которые не совершали преступления, но являлись по тем или иным причинам общественно опасными» [Грачёва, Чучаев: 46].

Новый уголовный кодекс сохранил некоторые отрицательные черты УК РСФСР 1922 года.

Прежде всего, УК РСФСР 1926 года, как и предыдущий, был чрезмерно политизирован, идеологизирован, направлен на осуществление классово-дифференцированной уголовно-правовой политики. По справедливому замечанию Ю.В. Грачёвой и А.И. Чучаева, «идеология в нём преобладала над теорией криминализации и пенализации деяний» [Грачёва, Чучаев: 33]. К понятию преступления сохранился классовый подход: преступлением признавалось «общественно опасное действие или бездействие, направленное против Советского строя или нарушающее общественный порядок, установленный Рабоче-Крестьянской властью на переходный к коммунистическому строю период времени» (ст. 6 УК РСФСР). Признак противоправности в дефиниции преступления не упоминался.

Избирательный классовый подход пронизывал и положения УК 1926 г., посвященные назначению мер социальной защиты. Так, в статье 47 указывалось, что отягчающими обстоятельствами являлись «принадлежность в прошлом или настоящем к классу лиц, эксплуатирующих чужой труд», «совершение преступления в целях восстановления буржуазии». А в статье 48 в качестве смягчающего обстоятельства называлось совершение преступления рабочим или трудовым крестьянином.

Руководствуясь идеологическими соображениями, разработчики УК 1926 года пытались отмежеваться от «буржуазного наследия», отказаться от дореволюционного уголовного законодательства и уголовно-правовой доктрины прошлого столетия. Происходила ломка старого буржуазного и создание принципиально нового советского социалистического права. По сути такие действия разрывали

преимущество в развитии законодательства и научной мысли. По оценке современных исследователей, попытка разработать с чистого листа новый социалистический кодекс, в котором бы отсутствовали такие вековые понятия, как «вина» и «наказание» была обречена на провал [Калашникова: 80; Землюков: 69].

В Уголовном кодексе РСФСР 1926 года, как и в предыдущем, предусматривалась возможность применения уголовного закона по аналогии. Статья 16 нового кодекса закрепляла положение, согласно которому основание и пределы ответственности за общественно опасные действия, прямо не запрещённые кодексом, определялись статьями, которые предусматривали «наиболее сходные по роду преступления». Данная норма предоставляла представителям власти практически безграничные возможности по определению круга преступных посягательств. Институт аналогии противоречил принципу законности, но отменен он был лишь в 1958 году с принятием Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик.

Негативной чертой Уголовного кодекса 1926 года, как и предыдущего, было то, что основанием уголовной ответственности он считал не только совершение преступления, но и опасное состояние личности. Согласно статье 7 нового УК меры социальной защиты применялись как в отношении лиц, совершивших общественно опасное действие, так и в отношении тех, кто представлял опасность «по своей связи с преступной средой или по своей прошлой деятельности». Данным положением «была создана легальная основа для грядущих репрессий 30-х годов в отношении лиц, преступлений не совершавших, но общественно опасных по различным произвольным оценкам» [Грачёва, Чучаев: 44].

В основу деления Особенной части нового уголовного закона на главы был положен объект посягательства. В соответствии с системой ценностей, заложенной в Конституции СССР 1924 года, фокус был сделан на приоритет уголовно-правовой охраны интересов государства. В первой главе устанавливалась уголовная ответственность за контрреволюционные преступления, во второй — за преступления против порядка управления. Общественно опасные деяния против жизни, здоровья, свободы и достоинства личности были размещены законодателем в главе шестой кодекса после должностных и хозяйственных преступлений, нарушений правил об отделении церкви от государства. За преступления против личности предусматривались менее строгие виды наказаний, чем за преступления против интересов государства.

УК РСФСР 1926 года, безусловно, имел и позитивные черты.

В борьбе с «гипертрофией наказания» и переполнением мест лишения свободы новый кодекс в более чем 50 случаях вместо лишения свободы устанавливал в качестве меры социальной защиты принудительные работы, расширилась область применения штрафа. По мнению народного комиссара юстиции РСФСР Д.И. Курского, принудительные работы и штраф стали самыми распространенными мерами уголовно-правового воздействия, тогда как по УК РСФСР 1922 года преобладало лишение свободы [Курский].

В целом ряде статей нового уголовного закона были снижены сроки лишения свободы, вместо формулы «на срок не ниже ...» широко применялась другая — «на срок до ...» [Ширвиндт 1925]. В УК 1926 г. иным стало решение вопроса о минимальных сроках лишения свободы (в УК 1922 г. было 6 мес., теперь эту меру социальной защиты можно было назначить на срок от одного дня до десяти лет). Указанные пределы лишения свободы представляли собой самый мягкий вариант из всех уголовных законов, существовавших в истории России. Это обстоятельство, как нам представляется, говорит, хотя бы и формально, об определенной гуманизации уголовно-правовой политики в тот период времени.

УК РСФСР 1926 г. содержал ряд новелл, которые внесли вклад в развитие отечественного уголовного законодательства.

«Укращением» Уголовного кодекса А.В. Наумов считает норму о малозначительности деяния. В примечании к статье 6 было впервые закреплено, что «не является преступлением действие, которое хотя формально и подпадает под признаки какой-либо статьи Особенной части кодекса, но в силу явной малозначительности и отсутствия вредных последствий лишено характера общественно опасного». Наличие такого нормативного предписания делает «честь» уголовному закону любой страны [Наумов: 29]. Оно позволяет не возбуждать уголовные дела о проступках, не имеющих серьезного значения. Данное положение было настолько удачно сформулировано, что осталось практически неизменным в современном уголовном законодательстве.

Шаг вперед, по сравнению с предыдущим кодексом, был сделан в регламентации обстоятельств, которые необходимо было учитывать при определении меры социальной защиты. Данные обстоятельства впервые были дифференцированы на смягчающие и отягчающие (ст. 47 и 48 УК), при этом перечень смягчающих обстоятельств существенно расширен.

Важное дополнение внесено в нормы о необходимой обороне и крайней необходимости: теперь они объявлялись правомерными не только при защите интересов личности и прав обороняющегося или другого лица, но и при защите от посягательств на Советскую власть (ст. 13 УК).

Условное осуждение в новом Уголовном кодексе обоснованно было выведено из числа мер социальной защиты, так как по своей природе таковой не являлось (ст. 53 УК).

Безусловно прогрессивный характер имели нормы Уголовного кодекса, ориентированные на защиту прав женщин. УК 1926 года предусмотрел некоторые особенности уголовной ответственности лиц женского пола. Впервые был установлен запрет на применение расстрела к женщинам, находящимся в состоянии беременности (ст. 22 УК), беременность признана смягчающим обстоятельством, которое необходимо было учитывать при определении меры социальной защиты (ст. 48 УК).

Расширен перечень преступлений, посягающих на права женщин. Впервые введена уголовная ответственность за «понуждение женщины к вступлению в половую связь или к удовлетворению половой страсти в иной форме лицом, в отношении которого женщина являлась материально или по службе зависимой» (ст. 154 УК). Чуть позже в 1928 году Уголовный кодекс 1926 г. был дополнен самостоятельной десятой главой, регламентирующей ответственность за преступления, составляющие пережитки родового быта. Большинство статей данной главы также были направлены на защиту интересов женщин. Например, были криминализированы принуждение женщины к вступлению в брак, похищение ее для вступления в брак (ст. 197 УК), вступление в брак с лицом, не достигшим брачного возраста или половой зрелости (ст. 198 УК), двоеженство и многоженство (ст. 199 УК) [Веселова: 139].

Советские ученые того периода времени высказывали слова особой похвалы законодательной технике конструирования уголовно-правовых запретов за «небольшие формулировки, избегающие казуистики и дающие простор судейскому усмотрению, а также хороший язык кодекса, без использования специфических терминов» [Чельцов-Бебутов: 545].

Действительно, УК РСФСР 1926 года продолжил модернизацию техники уголовного закона, которая была начата предыдущим кодексом. До 1922 года

законодателем использовался казуистический подход к формулированию видов преступлений. Так, в Уложении о наказаниях уголовных и исправительных 1903 года насчитывалось более двух тысяч статей, в деталях описывавших преступные деяния. В первых советских уголовных кодексах произошел переход от казуистического способа описания диспозиций уголовно-правовых норм к абстрактному (обобщающему) приему изложения. В итоге в УК РСФСР 1926 года статей Особенной части было в десять раз меньше.

Через два года после принятия Уголовного кодекса РСФСР 1926 года был поставлен вопрос о необходимости его переработки, так как уже первый опыт реализации положений нового закона продемонстрировал его очевидные недостатки. Курс на либерализацию уголовной политики, снижение уголовной репрессии, заложенный в УК 1926 г., привёл к тому, что суды часто назначали краткосрочное лишение свободы за незначительные деяния, когда можно было ограничиться другими мерами воздействия. Н.В. Крыленко заметил, что итоги такой уголовной политики свелись к тому, что, «во-первых, подавляющее большинство обитателей наших домов заключения оказалось принадлежащим к трудящему классу», т. е. они не были классовыми врагами, а, «во-вторых, 43 % оказались приговоренными на короткие сроки лишения свободы до 6 месяцев, до года» [Крыленко 1928b: 663]. Такая уголовная политика была названа в корне неправильной. Назначение лишения свободы на несколько месяцев, а иногда даже на несколько недель за незначительные деяния было не только нецелесообразно, но и вредно. «Ни о каком исправительном воздействии в такой срок думать серьезно не приходилось. Никакой конкретной практической цели этим... не достигалось: тюрьмы переполнялись, освобождались, опять переполнялись; определенный процент трудящегося населения, случайно попавшего в тюрьму, переходил в группу явно деклассирующихся элементов, и, кроме социального вреда, такая политика ничего не принесла» [Там же]. Таким образом, практическое применение Уголовного кодекса 1926 года показало, что проблему переполнения мест лишения свободы и «перепроизводства наказаний» он не решил.

Кроме того, новая реформа уголовного законодательства инициировалась для того, чтобы создать Уголовный кодекс, отвечающий практическим потребностям социалистического строительства, помогающий решать новые экономические и хозяйственные задачи. В тот период времени нарастали темпы индустриализации советского государства, нуждающегося в рабочих руках. В отношении лиц, впервые совершивших преступления, предлагалось расширять практику замены кратких сроков лишения свободы иными мерами социальной защиты, в частности, принудительными работами, денежным штрафом и др.

Выходом из сложившейся ситуации виделось принятие нового УК. В юридической литературе говорится о трёх проектах, подготовленных в 1928-1930-х годах. Один из них был предложен заместителем наркома юстиции РСФСР, заместителем прокурора РСФСР Н.В. Крыленко; другой разрабатывался Государственным институтом по изучению преступности и преступника, который возглавлял в тот период Е.Г. Ширвиндт; третий создавался группой авторов, в которую входили председатель Верховного Суда СССР А.Н. Винокуров, Прокурор Верховного Суда СССР П.А. Красиков [Яшук: 214—215].

Все три проекта базировались на социологической школе уголовного права, «откуда проистекало отрицание важнейших принципов уголовного закона, предусматривающих строго формализованные предписания и ограничения» [Яшук: 216]. В двух проектах предлагалось принципиально иное построение системы Особенной части кодекса, при котором санкций в статьях нет, есть лишь типовые меры

воздействия на преступления определенной категории, которые суд мог варьировать по своему усмотрению. Звучала идея полного отрицания «принципа дозирования репрессии», согласно которому, говоря современным языком, в каждой статье Особенной части Уголовного кодекса должны быть определены пределы наказания за конкретное деяние. По мнению Н.В. Крыленко, такой подход «позволял исключить концептуальное расхождение Общей и Особенной частей УК РСФСР 1926 г., возникшее вследствие того, что уголовный закон, отрицая задачу возмездия и кары, заложил при этом в санкции статей принцип соответствия («эквивалента») репрессий тяжести преступления» [Крыленко 1928а: 1177]. Уголовный кодекс, по его мысли, должен быть построен «без аптекарских взвешиваний “сколько заслужил”, без споров и толкований по вопросу о том, сколько кому дать» [Крыленко 1928b: 663]. Проект Н.В. Крыленко предлагал усилить меры репрессии за тяжкие преступления, ввести институт неопределенных приговоров за совершение «социально-опасных преступлений», предоставить пенитенциарным учреждениям право варьировать меры воздействия на осужденных в зависимости от их поведения и личности. Учёные того времени, Н. Немцев и Д. Карницкий отметили, что претворение этого проекта в жизнь создаст реальные гарантии, пресекающие для осужденных возможность продолжения преступной деятельности. Авторы писали: «Вполне понятно, почему привычные сидельцы наших исправительных учреждений очень интересовались содержанием тезисов тов. Крыленко и сложили даже песню о том, что, «от тезисов Крыленки дрожат у нас коленки» [Немцев, Карницкий: 450].

Изложенным выше идеям и проектам не суждено было приобрести форму закона и воплотиться в жизнь. По идейному содержанию и юридической технике проекты были шагом назад по сравнению с УК РСФСР 1926 г. В результате проходивших в тот период времени дискуссий стала очевидной научная несостоятельность и даже вредность концепций, пытавшихся кардинально изменить структуру Уголовного кодекса, отказаться от санкций уголовно-правовых норм. Ю.В. Грачёва и А.И. Чучаев отмечают, что после того обсуждения к вопросу о структуре кодифицированного уголовного закона в уголовно-правовой науке больше никогда не возвращались [Грачёва, Чучаев: 39].

Уголовному кодексу РСФСР 1926 года была предначертана долгая жизнь, он действовал в течение тридцати пяти лет до 1 января 1961 года. На протяжении своего существования кодекс был подвергнут многочисленным изменениям, связанным в основном с усилением уголовной репрессии, так как оказался недостаточно жестким для правящей в тот период времени власти.

Список источников

- Договор об образовании Союза Советских Социалистических Республик (принят на I Съезде Советов СССР 30.12.1922) // Съезды Советов в документах. 1917—1936. Т. III. М.: Государственное издательство юридической литературы, 1960. 386 с.
- О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 года (вместе с Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.): постановление ВЦИК от 22.11.1926 // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
- О дополнении Положения о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для Союза ССР опасных преступлениях против порядка управления) статьями об измене родине: постановление ЦИК СССР от 08.06.1934. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
- О судостроительстве СССР, союзных и автономных республик: закон СССР от 16.08.1938. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».

- Об утверждении Основного Закона (Конституции) Союза Советских Социалистических Республик: постановление II Съезда Советов СССР от 31.01.1924 // Вестник ЦИК, СНК и СТО СССР. 1924. № 2. Ст. 24.
- Основные начала уголовного законодательства Союза ССР и Союзных Республик (утв. Постановлением ЦИК СССР от 31.10.1924) // СЗ СССР. 1924. № 24. Ст. 204.
- Прения по докладу тов. Крыленко. Вторая сессия ВЦИК (заседание 21 октября) // Известия Центрального исполнительного комитета Союза С.С.Р. и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1925. 22 окт. № 242 (3173). С. 2.

Список литературы / References

- Веселова А.П. Гендерные аспекты уголовного законодательства советской России в период сталинской диктатуры // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 136—141.
- (Veselova A.P. Gender aspects of criminal legislation of Soviet Russia during the Stalinist dictatorship, *Bulletin of the Kuzbass Institute*, 2017, no. 3 (22), pp. 136—141. — In Russ.)
- Винокуров А.Н. Доклад на пленарном заседании ЦИК Союза ССР 19 апреля 1926 г. // Известия. 1926. 20 апр. № 90 (2721). С. 2.
- (Vinokurov A. N. Report at the plenary session of the Central Executive Committee of the USSR on April 19, 1926, *Izvestia*, 1926, no. 90 (2721), p. 2. — In Russ.)
- Герцензон А.А. Борьба с преступностью в РСФСР: по материалам обследования НК РКИ СССР. М.: Юридическое изд-во, 1928. 162 с.
- (Gerzenzon A.A. The Fight Against Crime in the RSFSR: Based on a Survey by the USSR People's Commissariat of the Workers' and Peasants' Inspection, Moscow, 1928, 162 p. — In Russ.)
- Грачёва Ю.В., Чучаев А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926: преобладание идеологии над наукой // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конференции с межд. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 33—47.
- (Grachyova Yu.V., Chuchaev A.I. The Criminal Code of the RSFSR of 1926: the predominance of ideology over science, *Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*, ed. by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova, Krasnodar, 2021, pp. 33—47. — In Russ.)
- Землюков С.В. Советский УК РСФСР 1926 г. — новаторство или отступление от права // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с межд. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 60—69.
- (Zemlyukov S.V. The Soviet Criminal Code of the RSFSR of 1926 — innovation or deviation from the law, *Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*, ed. by V.P. Konyakhin and M.L. Prokhorova, Krasnodar, 2021, pp. 60—69. — In Russ.)
- Иншаков С.М. Зарубежная криминология. М.: ИНФРА-М: НОРМА, 1997. 374 с.
- (Inshakov S.M. Foreign criminology, Moscow, 1997, 374 p. — In Russ.)
- Калашникова А.И. Уголовный кодекс РСФСР 1926: концептуальные основы и общая характеристика: дис. ... канд. юрид. наук. Ульяновск, 2009. 192 с.
- (Kalashnikova A.I. Kalashnikova A. I. Criminal Code of the RSFSR 1926: dis. ... Candidate of Sciences (Law), Ulyanovsk, 2009, 192 p. — In Russ.)

- Крыленко Н.В. Объяснительная записка к проекту Уголовного кодекса // Ежедельник советской юстиции. 1925. № 38—39. С. 1232—1239.
(Krylenko N.V. Explanatory note to the draft Criminal Code, *Weekly of Soviet Justice*, 1925, no. 38—39, pp. 1232—1239. — In Russ.)
- Крыленко Н.В. Перед II сессий ВЦИК. Новый проект уголовного кодекса // Известия. 1925. 9 окт. № 231 (2564). С. 3.
(Krylenko N.V. Before the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee. New draft criminal code, *Izvestia*, 1925, no. 231 (2564), p. 3. — In Russ.)
- Крыленко Н.В. Основные принципы пересмотра Уголовного кодекса РСФСР (Тезисы доклада тов. Крыленко на VI съезде прокурорских, судебных и следственных работников РСФСР) // Ежедельник советской юстиции. 1928. № 46/47. С. 1177—1778.
(Krylenko N.V. Basic principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR (Theses of the report of Comrade Krylenko at the VI Congress of prosecutorial, judicial and investigative workers of the RSFSR), *Weekly of Soviet Justice*, 1928, no. 46/47, pp. 1177—1778. — In Russ.)
- Крыленко Н.В. Принципы переработки Уголовного кодекса РСФСР // Ежедельник советской юстиции. 1928. № 23. С. 661—663.
(Krylenko N.V. Principles of revision of the Criminal Code of the RSFSR, *Weekly of Soviet Justice*, 1928, no. 23, pp. 661—663. — In Russ.)
- Курский Д.И. Новый Уголовный кодекс // Правда. 1926. 26 нояб. № 274 (3503). С. 5.
(Kurskij D.I. New Criminal Code, *Pravda*, 1926, no. 274 (3503), p. 5. — In Russ.)
- Наумов А.В. УК РСФСР 1926 г. — модернизация законодательной техники по образцам романо-германского права как перспектива реформы УК РФ // Прогресс и преемственность в российском уголовном праве (к 95-летию УК РСФСР 1926 и 25-летию УК РФ 1996 г.): материалы Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участием / отв. ред. В.П. Коняхин и М.Л. Прохорова. Краснодар: Кубанский государственный университет, 2021. С. 27—32.
(Naumov A.V. The Criminal Code of the RSFSR of 1926 — modernization of legislative technique based on the models of Romano-Germanic law as a prospect for reforming the Criminal Code of the Russian Federation, *Progress and continuity in Russian criminal law (on the 95th anniversary of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 and the 25th anniversary of the Criminal Code of the Russian Federation of 1996): Proceedings of the All-Russian scientific and practical conference with international participation*, ed. by V.P. Kon-yakhin and M.L. Prokhorova, Krasnodar, 2021, pp. 27—32. — In Russ.)
- Немцев Н., Карницкий Д. Принципы построения Уголовного кодекса // Ежедельник советской юстиции. 1929. № 20. С. 449—450.
(Nemcev N., Karnickij D. Principles of the construction of the Criminal Code, *Weekly of Soviet Justice*, 1929, no. 20, pp. 449—450. — In Russ.)
- Розенко С.В. Система мер социальной защиты УК РСФСР 1926 года как альтернатива наказанию // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. 2016. № 5. С. 224—226.
(Rozenko S.V. The system of social protection measures of the Criminal Code of the RSFSR of 1926 as an alternative to punishment, *Bulletin of the Kostroma State University named after N.A. Nekrasov*, 2016, no. 5, pp. 224—226. — In Russ.)
- Уголовное право. Общая часть: учебник / под ред. В.Д. Меньшагина. М.: Юридическое издательство Минюста СССР, 1948. 575 с.
(Criminal Law. General Part: Textbook, ed. by V.D. Menshagin, Moscow, 1948, 575 p. — In Russ.)
- Упоров И.В. Пенитенциарная политика России в XVIII—XX вв.: Историко-правовой анализ тенденций развития. СПб.: Юридический центр Пресс, 2004. 610 с.
(Uporov I.V. Penitentiary Policy of Russia in the 18th—20th Centuries: Historical and Legal Analysis of Development Trends, St. Petersburg, 2004, 610 p. — In Russ.)

- Чельцов-Бebutov М. Уголовный кодекс РСФСР в оценке западноевропейских криминалистов // Еженедельник советской юстиции. 1928. № 18. С. 543—545.
(Chel'cov-Bebutov M. The Criminal Code of the RSFSR in the assessment of Western European criminologists, *Weekly of Soviet Justice*, 1928, no. 18, pp. 543—545. — In Russ.)
- Ширвиндт Е.Г. Перед II сессией ВЦИК. Новый уголовный кодекс // Известия Центрального исполнительного комитета Союза С.С.Р. и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1925. 17 сент. № 212 (2545). С. 5.
(Shirvindt E.G. Before the 2nd session of the All-Russian Central Executive Committee. New criminal code, *News of the Central Executive Committee of the Union of Soviet Socialist Republics and the All-Russian central executive committee of Soviets*, 1925, no. 212 (2545), p. 5. — In Russ.)
- Ширвиндт Е.Г. «Перепроизводство наказаний» и борьба с ним (К введению в действие уголовного кодекса в редакции 1926 г.) // Известия Центрального исполнительного комитета Союза ССР и Всероссийского Центрального исполнительного комитета Советов. 1926. 31 дек. № 303. С. 2.
(Shirvindt E.G. "Overproduction of Punishments" and the Fight Against It (On the Introduction of the Criminal Code in the 1926 Edition), *News of the Central Executive Committee of the USSR and the All-Russian Central Executive Committee of the Soviets*, 1926, no. 303, p. 2. — In Russ.)
- Яшук Т.Ф. Кодификационные проекты советского уголовного законодательства в конце 1920-х — начале 1930-х гг. // Вестник Томского государственного университета. 2023. № 492. С. 210—219.
(Yashchuk T. F. Codification projects of Soviet criminal legislation in the late 1920s — early 1930s. *Bulletin of Tomsk State University*, 2023, no. 492, pp. 210—219. — In Russ.)

EVOLUTION OF DOMESTIC CRIMINAL LEGISLATION IN THE 1920s (ON THE 100TH ANNIVERSARY OF THE ADOPTION OF THE CRIMINAL CODE OF THE RSFSR IN 1926)

Irina B. Stepanova, Olga V. Sokolova

Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation,
kiddy2006@yandex.ru, sokolovaov@ivanovo.ac.ru

Abstract. In honor of the 100th anniversary of the 1926 Criminal Code of the RSFSR, the authors of this article conducted a historical and legal analysis of the second codified criminal law in the history of our country. Based on a study of regulatory documents, published materials, and transcripts from the 1920s, as well as contemporary literature, the political, socioeconomic, ideological, and legal reasons and prerequisites for the adoption of this code are identified. The article provides a brief description of the conceptual provisions that influenced the content of the 1926 Criminal Code of the RSFSR and describes the process of its development and adoption.

The authors conclude that the assessment of this historical document is quite contradictory. On the one hand, it had obvious negative features: it was excessively ideological, aimed at implementing a class-differentiated criminal policy; it allowed for the application of the law by analogy; it rejected traditional concepts of guilt and punishment; and it considered liability based not only on the commission of a crime, but also on a dangerous state of the individual. All this created the legal basis for the political repressions of the 1930s. On the other hand, the criminal code's undeniable merits are acknowledged: the modernization of legislative technique, the progressive nature of its provisions on the insignificance of an act, self-defense, mitigating and aggravating circumstances, the protection of women's rights, and others. The significant significance of the 1926 Criminal Code of the RSFSR for the establishment and development of Soviet criminal legislation is noted.

Keywords: Criminal Code of 1926, social protection measures, dangerous individual conditions, sociological school, criminal liability

For citation: Stepanova I.B., Sokolova O.V. Evolution of domestic criminal legislation in the 1920s (on the 100th anniversary of the adoption of the criminal code of the RSFSR in 1926), *Bulletin of Ivanovo State University. Series: Humanities*, 2026, iss. 3, pp. 122—135.

Статья поступила в редакцию 27.03.2026; одобрена после рецензирования 06.05.2026; принята к публикации 16.05.2026.

The article was submitted 27.03.2026; approved after reviewing 06.05.2026; accepted for publication 16.05.2026

Информация об авторах / Information about authors

Степанова Ирина Борисовна — кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса, заместитель декана юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, kiddy2006@yandex.ru, SPIN: 4436-1777

Stepanova Irina Borisovna — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor in the Department of Criminal Law and Procedure, Associate Dean of the School of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, kiddy2006@yandex.ru

Соколова Ольга Владимировна — кандидат юридических наук, декан юридического факультета, Ивановский государственный университет, г. Иваново, Россия, olgasokolova.067@mail.ru, SPIN: 2482-6515

Sokolova Olga Vladimirovna — Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Dean of the School of Law, Ivanovo State University, Ivanovo, Russian Federation, olgasokolova.067@mail.ru